

ПОЭЗИЯ И ПЕСНИ РУССКИХ РАБОЧИХ-ОТХОДНИКОВ

© 2008 Т.М. Полянская

Московский городской педагогический университет

В конце XIX – начале XX вв. среди крестьян промышленно развитых губерний Европейской России был развит отхожий промысел. Крестьяне, страдавшие от малоземелья, скудных урожаев, шли на заработки в города. В этот период в России бурно развивался промышленный сектор экономики, появилось большое число фабрично-заводских предприятий, нуждающихся в рабочей силе. Крестьяне-отходники шли работать на фабрики и заводы и стали основным источником формирования рабочих кадров. С этим процессом неразрывно связано и развитие в русском фольклоре фабрично-заводского творчества.

Русские крестьяне испокон веков слагали песни, описывая свой быт и труд. Переход в новый социальный статус городского рабочего человека сразу нашел отражение в песнях крестьян-отходников. Песни русских рабочих имеют непосредственную связь с рабочей поэзией. Из среды рабочих-отходников вышли талантливые поэты, такие как Авенир Ноздрин, Павел Арский, Филипп Шкулев, Алексей Гмырев, Николай Рыбацкий и др. Поэзия рабочих-отходников отличалась самобытностью, многогранностью. Так, например, поэзия А. Ноздрина, Ф. Шкулева была самобытна, очень близка к русскому крестьянскому фольклору, деревенской лирике. А стихотворения рабочего-поэта А. Гмырева, напротив, были написаны в лучших традициях русской классической лирической поэзии. Многие из перечисленных поэтов стали авторами песен, известных и популярных среди рабочих.

Влияние крестьянского фольклора сказывалось на поэзии и песнях рабочих-отходников, но в то же время в песни и поэзию все чаще вторгалась новая производственная лексика: завод, фабрика, контора, корпус, машины, подрядчики, мастер, шлихтовальщики, ткачи, протыкальник, шпурик, болоток и т. д. Вторжение новой лексики непрерывно продолжалось на протяжении всего XIX в., а в конце века в поэзию и песни все чаще стали

проникать новые слова, связанные с борьбой рабочего класса: борцы, тюремный замок, каторга, забастовка, жандармы, рабство, свобода и т. д.

Вместе с тем влияние крестьянской традиционной лирики было еще весьма ощутимо. И, в частности, – в лексике, в обилии ласкательных и уменьшительных суффиксов у существительных (горюшко, ручушки, глазушки, работушка, зимушка, голосочек, будилочка, зверочки, лесочки, лужочки и т. д.). Еще встречались даже краткие прилагательные (бела ручка, чисто полюшко, худа долюшка).

Менялась не только лексика. Иным становился и весь поэтический строй рабочих песен. В творчестве немногочисленных рабочих поэтов прослеживалось стремление овладеть литературной формой, чему немало способствовало проникновение в рабочую среду революционно-демократической литературы.

Отход крестьян на фабрики и заводы, переход из одного социального статуса в другой, разрыв с деревней находил отклик в поэзии и песнях рабочих-отходников. Так, широкой известностью в промышленно развитых губерниях России пользовалась песня «Не последний был красильщик...». Автор слов песни неизвестен. В этой песне тема отрыва крестьян-отходников от земледельческого труда воплощена наиболее полно. Герой песни – фабричный рабочий. Он живет в городе и стал довольно искусным мастером:

«Не последний был красильщик,
Я на фабрике жывал...
Разны ситцы набивал» [3, 11].

Заработок мастерового мал, его не хватало даже на уплату оброка. Фабрика выматывает силы отходника, не выдержав, герой песни берет расчет. В деревню он возвращается «весь оборванный, худой. Словно жулик площадной» [3, 11]. Без радости встречает его семья, ведь без фабричного заработка жить в деревне трудно:

«Поживи-ка ты в деревне,
Похлебай-ка кислых щей,
Поноси худых лаптей...» [3, 11].

Жизнь в городе семье фабричного кажется завидной, работа на заводе — более легкой, чем крестьянский труд. Мастерового будят на заре:

«Вставай, питерска натура,
Питербургский чистячок!» [3, 11].

Песня лаконична. В ней нет детального повествования о лишениях вернувшегося домой фабричного. Герой просто подводит итог:

«...Меня голод прохватил,
Все — домой я покатил...
Оглянулся на деревню
И махнул только рукой.
Слезы вытер, еду в Питер,
А надежды никакой» [3, 12].

Отображая капиталистическое производство, песенная поэзия рабочих этого времени тяготеет к повествовательности, подробному описанию завода, фабрики, цеха:

«Корпус длинный, полверсты,
Во стенах связи толсты,
А внутри паровики,
Там шуруют мужики.
Они день и ночь шуруют,
Во котлах вода кипит,
Колесо паром вертит...» [3, 17].

Позже изображение производства станет еще более конкретным. Складывались песни обычно об отдельном конкретном предприятии («К работницам карточной фабрики», «Как на фабрике у Чешера...», «Поминание рабочих фабрики Корзинкина»).

Среди рабочих песен и стихов конца XIX — начала XX вв. обширную группу образуют те, в которых проложены вековые мотивы горя и страдания. «В фабричных песенках нет бодрых настроений, — писал один из собирателей уральского фольклора, — в них сквозит тяжелое сознание невозможности изменить невыносимый порядок вещей...» [3, 18]. Вот примеры, подтверждающие эти слова:

«Посмотрю на своо сына,
Сердце оборвется —
Та же горькая судьбина ему достается...» [3, 17].
Или:

«Давно устали руки,
Болит, мозжит спина,
А дела еще много,
И жизнь еще длинна...
Одно на ум приходит, —
Скорей бы отдых, ночь!» [5, 24].

О невеселой, безрадостной жизни рабочих говорилось не только в песнях, но и в пословицах, поговорках, присказках, вроде шутки московских рабочих: «Получи пятак — иди в кабак» или «Живем да хлеб жуем», «Ши — хоть тряпье полощи» [3, 18].

Поэзия и песни, воспевающие судьбу женщин-крестьянок, женщин-работниц, про-

никнуты особенной печалью. Судьба русской крестьянки выписывалась из бесконечной вереницы тяжелых будней. В сельской жизни она всегда оставалась источником трудолюбия, упорства, терпения. В ее обязанности входила не только земледельческая работа, но и забота о доме, семье. Жизнь женщины-работницы, бывшей крестьянки, ушедшей работать на фабрику вместе с мужем, не была легче. Более того, при одинаковых с мужчинами условиях труда заработная плата у женщин была намного меньше. Неустроенность фабричного быта делали жизнь женщины-работницы совсем безрадостной. Их настроение передает «Фабричная колыбельная». В ней мать выплакивает горе над колыбелью сына:

«Вот какая моя жисть,
Хоть живая в гроб ложись.
Я б живая в гроб легла,
Только бросить жаль тебя...» [3, 100].

Об условиях работы и положении женщин на фабрике ведется речь в песне «К работницам карточной фабрики»:

«Жизнь в работе, жизнь в неволе,
Жизнь, погрязшая в нужде!..
Нет трудней девичьей доли
В рабском варварском труде.

Только лишь наступит утро,
Мы на фабрику спешим.
Как ни тяжело, как ни трудно,
Все работаем, молчим» [3, 98].

Среди всех известных и популярных рабочих-поэтов наибольшее внимание проблемам женского труда уделял Авенир Ноздрин. Ноздрин, родившийся в селе Иваново, в семье крестьянина, всю жизнь проработал в текстильной промышленности, был одним из зачинателей рабочей поэзии, певцом текстильного края. Большое место в своих стихах он уделял судьбе работницы-ткачихи. Это не случайно — ткачихи в Иваново-Вознесенске представляли собой огромную производственную рабочую силу. Показательно стихотворение «Старая ткачиха», в котором описана жизнь ивановской ткачихи:

«...Лет поди уж сорок
Мучаюсь я в ткацкой.
Я глуха — у нас ведь
В корпусах шум адский.
И суха как шепка,
Есть на то причины...
Из меня бы надо
Нашипать лучины» [2, 16].

Поэзия и песни русских рабочих описывали не только жизнь взрослого труженика. Целый ряд песен посвящен детскому труду, как, например, песня о фабрике Кениг:

«Недалеко от парка, на левой руке,
Стоит фабрика, бывшая Кениг.
Там работают дети весь день на станке
С детской думой: немного бы денег.

Все мы, дети-подростки, живем в нищете,
Переносим болезни, невзгоды
И работаем в страде, пыли, духоте,
И проводим здесь юности годы» [3, 146].

Почти все из известных поэтов-отходников работали на фабрике с детства или подросткового возраста, как, например, Филипп Шкулев, Павел Арский, Алексей Гмырев. Московский рабочий-поэт Филипп Шкулев родился в подмосковной деревне Печатники, работал на ткацкой фабрике с десяти лет. Фабричный труд был изнурительный, рабочий день продолжался двенадцать часов. Позже поэт вспоминал:

«Я был, как птица в душевной клетке,
В чаду фабричных корпусов,
Со мной такие ж малолетки
Тянули дни под шум основ...» [5, 8].

Через полгода после поступления на работу с Ф. Шкулевым случилась беда: он попал правой рукой в машину и остался на всю жизнь калекой.

Бурное развитие промышленности, сопровождающееся формированием рабочих кадров, практически не защищенных законом и государством от произвола фабрикантов, вызывало соответственно недовольство рабочих. Рабочие были недовольны своим материальным положением, условиями труда и быта, что, естественно, приводило их к борьбе за улучшение своего положения, которая вылилась в мощное рабочее движение.

Настроения недовольства и протеста все чаще проявлялись в рабочих песнях:

«Мы собрались здесь толпою
Просить получше нам пожить,
Прибавки дать к поденной плате, жердьем,
Дровами наделить...»

Так мы, рабочие, просили,
Стояли смирно у крыльца» [3, 118].

В песнях рабочие обличали виновников своей тяжелой жизни. Так, в песне «Поминание рабочих фабрики Корзинкина» дана гневная характеристика чинов заводской администрации. В «Чермозской марсельезе» упоминается жестокий «правитель Чермозы» – Ливийский. В песне женщин-работниц «К работницам карточной фабрики» нарисована мрачная фигура мастера Цубе.

Развитие рабочего движения приводило к появлению песен, описывающих рабочие выступления, забастовки на конкретных фабриках и заводах. Одной из наиболее известных и популярных песен этой группы была песня питерских рабочих

«По теченью невских вод...» [3, 119], в которой ведется речь о забастовке рабочих Обуховского завода в мае 1901 года. Слова к этой песни написал поэт-революционер Николай Рыбацкий.

Рыбацкий родился в семье рабочего-обуховца. В пятнадцать лет будущий поэт сам пошел работать на этот завод. Тяжелые условия труда, низкая заработная плата заставили Рыбацкого принять активное участие в забастовке на заводе, он был арестован и в Санкт-Петербургском доме предварительного заключения 31 августа 1901 года написал стихотворение «Завод», которое легло в основу песни, более известной под названием «По теченью невских вод...». Начало ее характерно для многих песен этого времени. В нем точно указывается место и время действия:

«По теченью невских вод
Стоит Обуховский завод...
В девятьсот первом году,
В мае месяце тогда
Там случилась беда...» [4, 4].

Затем следует описание стремительного развития событий:

«Сбунтовался весь народ,
Свистки грустно возвестили,
Что работу прекратили.
И матросов к нам прислали.
И стрелять им приказали...» [4, 4].

Многие забастовщики были убиты. На помощь матросам были вызваны жандармские части:

«... Нас забрали, замели
И в пересыльную свезли...» [4, 4].

Некоторые рабочие революционные песни выдержали испытание временем, как, например, песня «Кузнецы». Эта песня была крайне популярна среди революционно настроенных рабочих, и ее популярность протянулась на весь XX век. И сегодня редко встретишь человека, которому не известны слова припева этой песни:

«Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы к счастью ключи!
Вздымайся выше, тяжкий молот,
В стальную грудь сильней стучи!...» [5, 87].

Мало кому известно, что первоначально существовало только стихотворение Филиппа Шкулева «Кузнецы», которое он написал в 1905 году. Музыка к словам появилась несколько позже, и композитор долгое время был неизвестен. Лишь в 60-е гг. XX века исследователи песенной поэзии выяснили, что музыку к песне написал студент Николай Федорович Острогорский.

По песням можно проследить, как менялась лексика рабочих. Все чаще появляются слова «товарищи», «мы». Слагаются песни, посвященные рабочим праздникам, как, например, «Майская песня рабочих»:

«Наш праздник рабочий пришли мы справ-
лять,

Да здравствует Первое мая!
Товарищи, станем борьбу прославлять,
К свободе народ призывая» [5, 87].

Отдельную группу составляют стихи и песни, посвященные рабочим-революционерам, пережившим тюрьму и каторгу. Здесь следует выделить поэзию рабочего-поэта Алексея Гмырева. Гмырев вышел из семьи крестьянина-отходника, покинувшего деревню и переехавшего вместе со всей семьей в город. Сам Алексей Гмырев с пятнадцати лет пошел работать на завод, где вступил в революционный кружок. Гмырев принимал активное участие в забастовках и митингах, пережил заключение и ссылку. Этому периоду своей жизни Гмырев посвятил целый цикл стихотворений «За решеткой».

«В тюрьме я... А там, за стенами, на воле,
Борьба... Там дрожат властелины-цари,
Телами борцов покрывшие поле...

Гори, мое сердце, сильнее гори!» [1, 74], — писал рабочий-поэт.

Крестьяне-отходники, сыгравшие решающую роль в формировании рабочих кадров промышленно развитых губерний России (более 90 % рабочих были по происхождению крестьянами), определили и особенность развития культуры рабочих. В начале XX в. благодаря промышленному развитию и массовому отходу крестьян менялась социальная структура городского населения,

теперь большую часть горожан составляли не мещане, а рабочие. При этом трудно сказать, что больше подвергалось влиянию: городская культура влияла на рабочих-отходников или рабочие-отходники на городскую культуру. Безусловно одно — процесс формирования новой социальной группы городского населения — рабочих — привел к возникновению новой городской культуры, ориентированной, главным образом, на рабочих фабрик и заводов. При этом из среды рабочих-отходников, бывших крестьян, вышли талантливые поэты, писатели, музыканты. На примере песенной поэзии рабочих России конца XIX — начала XX вв. видно, как происходил переход от крестьянского фольклора к рабочим стихам и песням и как в поэзии и песнях нашли отражение все стороны жизни русского рабочего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гмырев А. М. Гори, мое сердце (Стихи, письма, документы). — Киев: Молодь, 1957.
2. Ноздрин А. Е. Избранные стихотворения / А. Е. Ноздрин. — М.-Иваново: Ивгиз, 1935.
3. Песни русских рабочих (XVIII — начало XX века). — М.-Л.: Советский писатель, 1962.
4. Рыбацкий Н. И. На светлый путь: Стихотворения. 1901–1920. — Л.: Лениздат, 1983.
5. Шкулев Ф. С. Стихотворения / Ф. С. Шкулев. — М.: Худ. лит., 1973.